Стать непохожим невозможно

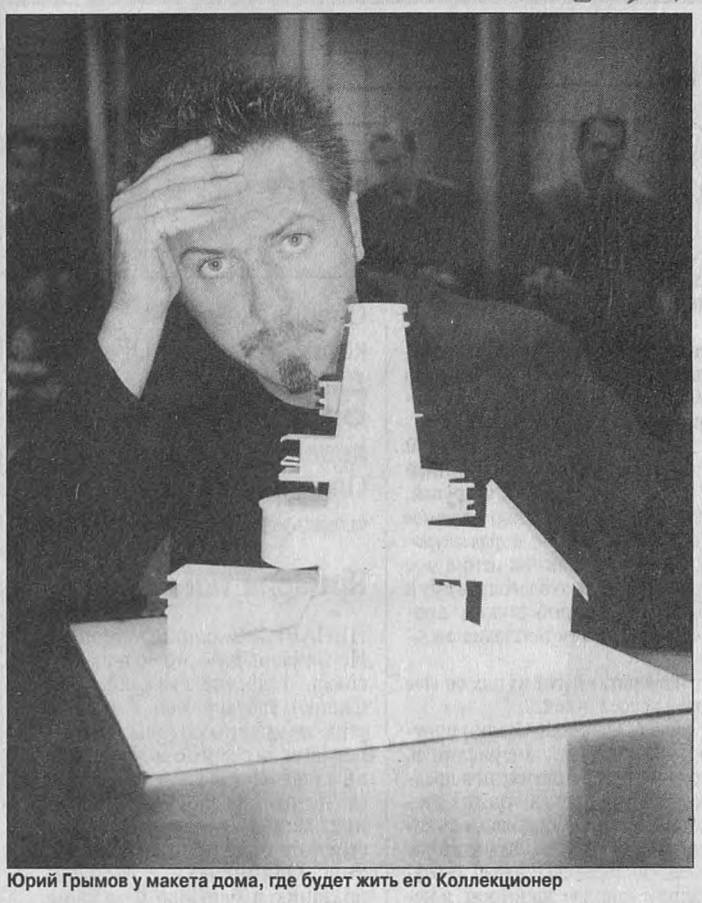
Юрий Грымов задумался о смысле жизни

Общая газ. – 2000. – 28 сент. – 4 окт. – с. 10.

С ТЕХ ПОР как Юрий Грымов перестал нуждаться в представлении, мнения о нем прямо противоположны. Итак, режиссер Юрий Грымов, получивший за свой дебютный фильм «Муму» шесть призов на всяких-разных фестивалях, поставивший 300 клипов и один драматический спектакль. На Западе его называют «русским Гринуэем». Так говорил бы о себе сам Грымов.

Грымов – рекламщик, возомнивший себя режиссером, хамоватый пижон и невежа. Его «Муму» – надругательство над людским вкусом, его спектакль «Дали» – чистой воды выпендреж. Это – мнение о нем большинства зрителей (Грымов бы возразил: отдельных журналистов).

А если избежать оценок, то Грымов снимает новое кино. Оно называется «Коллекционер», но не имеет никакого отношения к Дж. Фаулзу. Съемки пройдут на студии им. Горького, в Баку и за границей и закончатся к концу февраля. В главных ролях – Максакова и Будрайтис. И премьерой, и последующей судьбой фильма будет распоряжаться американская компания: она заключила с режиссером контракт на «Коллекционера» и еще одну («прямо перпендикулярную», как говорит Грымов) картину. Мы попросили Юрия Грымова рассказать о своем новом проекте.



Юрий Грымов у макета дома, где будет жить его Коллекционер

– Про что кино?

– Мой фильм «Коллекционер» – о пути к себе, об инфляции дружбы, секса, любви. Если бы это не звучало так пошло, то сказал бы: о смысле жизни. Обо всем. Эпиграфом можно поставить слова Ибсена: Господь погладит, кровь сочится. Но я снимаю не про то, что написано, а про то, что можно прочесть между строк. Мне интересны не слова «я тебя люблю», а последствия этих слов. По форме должна получиться притча. С хорошим, но не хэппиэндовским финалом. Это будет абсолютно новое кино. И для России, и для всего мира.

– Звучит многообещающе. Но рождает вопрос: в рекламе вы собаку съели и не можете не понимать, что подобные заявления идут вразрез с извечными для российской интеллигенции сомнениями и самоуничижениями. Вы специально выстраиваете себе такой раздражающий других имидж?

– Я не стремлюсь ни вызывать раздражение, ни порождать любовь. Хотя, если сильно напрягусь, меня каждый полюбит. Но напрягаться стыдно. И вообще: я снял душевное кино, поставил спектакль на старейшей московской сцене, сделал недавно трогательный клип для Алсу. Я что, набил кому-то лицо? О чем речь-то вообще?

– О том, что есть кинематографисты, а есть Грымов, который начнет с гадости, а закончит тем, что он – самый гениальный.

– Мы и не можем быть все вместе. Меня вообще пугает «все вместе». Я даже на хутор переехал жить, подальше от всех.

– А не потому, что жить за городом и экологично, и престижно?

– Ну вот... А я там пять лет живу, переехал до всяких «престижей». Я перестал ездить на кинофестивали, почувствовал, что превращаюсь в какого-то Ленина: на всех кинофестивалях – одни и те же. Жили, живы и будут жить. То они в жюри, то гости, то приз получают. Мне надоело это кочевничество: фестиваль детского искусства, взрослого, окно туда, окно оттуда. Я – человек производящий.

– Отличный слоган. Извините, вырвалось.

– Я и правда – вот, посмотрите, на стене диплом – действительный член российской академии рекламы. Под номером 002.

– Выходит, вы все же второй?

– А там просто по алфавиту. Но что такое реклама? Это блеф, ляля-ля. Я не рекламщик, я ньюсмейкер. Я даю людям новость, событие. Просто рекламироваться – легко. Сделать кино, особенно в нашей стране, – геморрой, это очень больно. Но от меня вы об этом не услышите. Вот я и раздражаю журналистов той страны, в которой принято плакаться.

За каждой моей рекламой стоит конкретный продукт, привлекающий тысячи людей. Я получаю массу писем. Недавно в театр Вахтангова, где шел «Дали», пришло письмо из Пензы. Пишет женщина, по почерку – лет 60: спасибо, что ваш фильм «Муму» два раза показали по телевидению, слышала о вашем спектакле «Дали». Но у меня нет возможности приехать в Москву. Пожалуйста, снимите спектакль на пленку и покажите по ТВ. Понимаю, что это стоит денег. Идите к состоятельным людям и не стесняйтесь просить: вы просите не для себя, а для нас.

Я никогда не просил денег просто так, для себя. Я хочу, чтобы то, что я делаю, было нужно мне. Рад, если это нравится людям. Зачем мне выстраивать имидж? Чтобы быть непохожим на других? Но вы или похожи, или не похожи. Хоть обстройтесь.

– «Коллекционер» – современная картина?

– Даже более, чем просто современная. Совсем новая. Я хочу снять просторное кино. Что это значит? Вы видели «Магнолию»? Эта картина снята в таком стиле и темпе, что зритель может сам выбирать, что ему воспринимать, а что пропустить. Пропустил – и бог с тобой, смотри дальше, может, что-нибудь другое тебя зацепит. Вот и я хочу, чтобы мое кино предоставляло зрителям право выбора. Я сам не люблю, когда меня держат за дурака и все разжевывают. Ведь в кино, в первую очередь, привлекает тайна. Тайна мозга другого человека. Поэтому я так люблю авторский кинематограф: не просто рассказ в картинках, а отношение к нему режиссера. И мне непонятно, когда на «Муму» ругались: здесь слишком много Грымова. Если хотите много Тургенева – возьмите книжку.

– Когда вы снимали «Муму», вы тоже снимали новое кино?

– Когда я снимал «Муму», я снимал дебют и хотел снять русское кино, то, на котором мы все воспитывались: по стилю, подходу, решению. Современное российское кино утратило способность хорошо снимать. А для меня в кино самое главное – изображение. Я, например, совсем не могу смотреть кино по телевизору, но, как настоящий патриот, могу смотреть в неудобном кресле и с плохим звуком. Главное – большой экран. А звук и все остальное – аттракцион, приправа. Я этого наелся. Кино – чудо немое.

«Муму» у меня получилось. Но расскажу вам эпизод. На одном французском фестивале, где моя картина имела очень хорошую прессу и благодарные отзывы жюри, приз получила другая русская картина. По всему другая. Я не выдержал и спросил одного из членов жюри: почему? Мне что, надо стремиться к «этому»? Он мне ответил: «Юра, ваше кино – европейское. А мы давали приз кино русскому. В котором бьют в морду и пьют водку». К сожалению, нас на Западе принимают только как экзотику. Ух ты, русские: лодки гибнут, башни падают, а они продолжают снимать!

– На Лунгина намекаете?

– Не люблю Лунгина: его кино – «лубочное». Как не люблю и тех наших режиссеров, которые стараются подражать Голливуду. Когда Китай производит футболки по 3 доллара, зачем ткацкой фабрике им. Бертольда Шварца выпускать майки за 5 долларов? Я много снимал малой формы, очень хорошо знаю, что такое монтаж, с удовольствием посидел бы на монтаже у кого-нибудь из наших режиссеров. Поверьте, я могу снять фильм «пуф-паф-пиф» о том, как мальчик идет и всех мочит.

– Привет «Брату-2»?

– Зачем загонять шары в лузу, где их уже навалено? Надо делать что-то свое. Но, к сожалению, в нашей стране глобальное развитие кино закончилось на Тарковском. Все, что снималось дальше, было либо пижонством, либо госзаказом.

– Юрий Вячеславович, помилуйте! А еще удивлялись, почему вас так не любят...

– Но я так думаю. Я уверен, что российское кино спасут Тарковские. Много Тарковских. А сам я, если честно, ощущаю себя еще засранцем. Но с потенцией: я двигаюсь вперед. Я был танцовщиком, снимал рекламу, фотографии (вскоре издаю эксклюзивный альбом), поставил спектакль. Теперь иду дальше – на прорыв, к новому киноязыку. Презентация нового проекта прошла в этом году в Канне. Там мной и заинтересовались американцы. Удивительное дело: если дебютная картина получала 6 призов, российские продюсеры должны были бы, кажется, что-нибудь предложить. Ни-че-го! На «Мосфильме» мне отказали, даже не читая сценарий.

– А если бы вам – известному, энергичному, талантливому – предложили возглавить какой-нибудь отечественный кинобизнес? Ради спасения национального кино?

– Объективно соглашусь, реально – никогда. Я не могу работать по тем законам, по котором работают здесь. А потом не смогу, занимая высокий пост, снимать сам. Поэтому, кстати, очень уважаю Михаила Ульянова: когда он стал художественным руководителем, мы остались без гениального актера. А я хочу снимать. Я вменяемый, контактный и готовый к работе. И не страшно, если меня кто-то не любит: у нас начинают любить только тогда, когда ты подбираешься годам к шестидесяти. В этой стране надо жить долго.

Беседовала
Юнна ЧУПРИНИНА